

**Светлана
Хромченко**

Пространство и время на бумажном листе

В 2004 г. издательство «Фортуна ЭЛ» в серии «Книжная коллекция» выпустило сборник японских сказок «Журавлиные перья», подчеркнув тем самым уникальность и художественный уровень этого издания, названного лучшей книгой 2004 г. А в 2005 г. здесь же выпущен сборник «Веер молодости». Иллюстрировал сборники Май Петрович Митурич, один из крупнейших современных художников детской книги.

Май Петрович Митурич в полной мере обладает тем особым даром, который позволяет художнику, чувствуя авторскую интонацию, создавать изобразительный мир, свойственный именно этому произведению, но при этом не изменять собственному художественному видению. Он деликатно и точно дополняет зримым образом то, что недоступно образу словесному, расширяя возможности восприятия литературного произведения, будь то Гомер, Андерсен, Маршак, Чуковский, Крылов и другие русские и зарубежные авторы. Но «японская тема» занимает в его творчестве особое место.

Светлана Михайловна
Хромченко – искусствовед,
старший научный сотрудник
Государственного музея
Востока.

// зима 2005 //

Иллюстрация к сказке «Гамбэй-птицелов».

На протяжении 1980–90-х годов Май Митурич обращался к разным жанрам японской литературы: сказкам, песенкам, хайку. У каждой книги был свой образ, но было и нечто объединяющее, порождённое тонким ощущением японской культуры и созвучием неких душевных струн художника тому, что составляет суть мировосприятия японцев.

Это созвучие возникло не сейчас и не случайно. Оно унаследовано от отца, художника Петра Митурича, матери Веры Хлебниковой, также художницы, не чуждой и поэтическому творчеству, дяди – поэта Вели-

// 136 //

История пингвинёнка,

мира Хлебникова, от всей атмосферы искусства, которой дышала семья. Май Петрович до сих пор помнит японские сказки, которые читала ему в детстве мама: неторопливые, витиеватые, изобилующие всякими бытовыми подробностями, вроде бы отвлекающими от сюжета, но знакомящими с другой страной, прекрасной и волшебной.

Нынешние пересказы, подготовленные блестящими переводчиками Верой Марковой и Натальей Фельдман, включают некоторые сказки, сюжеты которых кажутся знакомыми, только перенесёнными в Японию. Например, история о крохотном мальчике, побеждающем великанов, или о простаке, который одурачивает самодовольного умника. Притчи о лгунах, жадинах и добряках, о скромных мудрецах и заносчивых глупцах в том или ином варианте также встречаются в фольклоре многих стран.

Иллюстрация к сказке

придуманная и нарисованная М. Митуричем.

В других сказках обнаруживаются японский характер мышления, японская наблюдательность, смекалка и терпеливость. Такова, например, история о невесте, которая, спасаясь от жениха-людоеда, привязала ему на спину огромный пустой котёл и хитростью заманила в реку. Вода наполнила котёл, и людоед уже не смог выбраться на берег. Другая история повествует о добром и отважном рыбаке, самое заветное желание которого – чтобы все японцы стали мудрыми, здоровыми, храбрыми, весёлыми... В сказках встречается немало непривычного нам. По-японски скрипит ткацкий станок: «Кирикара – тон-тон-тон», осенняя луна рисует тушью сосну на синих небесах, а снег похож на ватную шапку старого деда.

Глядя на иллюстрации Митурича, как-то забываешь о современной урбанистической и технической составляющей японской действительности.

«Как острова рассердились».

// зима 2005 //

Иллюстрация к сказке «Догадливая невеста».

Маю Петровичу довелось неоднократно побывать в Японии и даже жить в ней подолгу. Он не стремился к смене впечатлений, а жил на одном месте, вникая в краски и ритмы природы, ожидая, пока экзотическое не станет привычным, пока суতোлка первых впечатлений не сменится тишиной созерцания. Он мог неспешно наслаждаться видом тающих в тумане гор, медленно падающего снега, делающего весь мир белым и чистым. Картины природы и сейчас всплывают в его памяти, наряду с впечатлениями о великих памятниках культуры и сокровищах музеев. Но и повседневная жизнь японцев, их

Иллюстрация к сказке «Догадливая невеста».

манера разговаривать, с поклоном встречать гостя, играть или ссориться, их особая пластика, жестикуляция, мимика не остались незамеченными. Всё это помогло художнику, как он сам говорит, не столько изучить, сколько *почувствовать* своеобразие этой страны.

Ему было важно увидеть за достаточно агрессивным пластом современной унифицированной цивилизации душу, национальный характер. Оттого в его иллюстрациях Японии убедительна и прекрасна в своих реальных и фантастических проявлениях. Оттого в иллюстрациях нет поверхно-

стной стилизации, этнографизма, упрощения, порой свойственного детским книгам.

Прозрачные, написанные выразительными лаконичными мазками пейзажи «пронизаны» белизной бумаги и не имеют чётких границ, как бы расширяясь и продолжаясь в пространство не только своего листа, но захватывая соседние. «Пустота» между иллюстрациями оказывается буквально наполненной смыслом – текстом. Текст и иллюстрации, эти главные составляющие книги, с точным, почти музыкальным ритмом органи-

Заставка из сборника «Веер молодости».

Иллюстрация к сказке «Храбрый Иссимбоси».

зованы в «пространстве и времени» книги, соседствуя на развороте или странице, чередуясь, перемещаясь по страницам вверх и вниз. Иногда авторский шрифт входит непосредственно в композицию иллюстраций.

Развороты с панорамными пейзажами: островами, соснами, туманами, окутывающими дали, несомненно, воскресят представления о традиционной живописи. Времена года, обозначенные цветением сакуры, осенним ветром, срывающим кленовые листья, мягкими зимними снегами и пластически изящные фрагменты природы при-

// зима 2005 //

сутствуют повсеместно. Постепенно понимаешь, что это не только фон или изобразительный эпиграф, а особый и постоянный резонанс человеческой души и природы, который является существен-

ной чертой мировосприятия японцев и счастливо совпадает с мироощущением самого художника.

Иллюстрации выполнены лаконичными властными и одновременно деликатными прикосновениями кисти. Чёрная тушь дополнена неяркими благородными красками. И только многократно и целенаправленно просматривая книгу,

Заставка из сборника
«Веер молодости».

Иллюстрация к сказке К. Чуковского «Муха Цокотуха».

понимаешь, сколь изобретателен художник в использовании графических средств – пятна, контура, композиции, как виртуозно размыкает он форму в пространство листа или «закрепляет» её энергичным штрихом, как разнообразен в использовании мотива летящих птиц, отражения в воде, дождя, цветущих деревьев. Сам текст порой подсказывает художнику изобразительные метафоры.

В сюжетных композициях прочитываются намёки то на повествовательный исторический свиток, то на японскую гравюру в её классических и поздних вариантах.

Изящные заставки и концовки – веера, бумажные змеи, мушки, крабы или миниатюрные композиции на красном, напоминающие печати, ещё раз убеждают, что подлинный мастер виден и в мелочах.

В Японии талант Мая Митурича оказался и замеченным, и востребованным. Среди десятков оформленных художником переводов русской литературы для детей «Муха Цокотуха» Корнея Чуковского, без сомнения, стала шедевром. Чёткий ритм стихов отразился в скупом энергичном рисунке кистью. Здесь «каллиграфическое начало» таланта Митурича особенно ярко резонирует с декоративной выразительностью иероглифического текста.

Пластические и эмоциональные характеристики персонажей – насекомых почти лишены «очеловечивающих» деталей: костюмов и разного рода атрибутов,

к которым часто прибегают иллюстраторы. Художник вводит их органично, не нарушая естественную пластику мухи, комара или паука. Рисунки динамично скомпонованы с текстом и порой исполнены подлинного драматизма. Вставки и развороты чередуются, создавая живую смену впечатлений, сами же иллюстрации свободно располагаются в листе, органично соотносясь с иероглифами текста, которые нами воспринимаются как ещё один графический элемент.

Иллюстрация к сказке «Шишка справа и шишка слева».

Совсем недавно в Японии издана книжка для малышей. Она написана и нарисована Маем Петровичем по просьбе японского издательства. В ней рассказывается история пингвинёнка, которого мама отвела в пингвиний детский сад. (Орнитологи знают, что иногда взрослый пингвин присматривает за несколькими своими и чужими птенцами). Пингвинёнок сталкивается с теми же проблемами, что и ребёнок. Композиция этой небольшой, состоящей из нескольких страниц книжки, изящна, продумана и насыщена глубоким смыслом. Текст минимален, поэтому так важен изобразительный рассказ. Эпизод за эпизодом подробно отображается один день – день взросления маленького существа. Читатель видит и понимает, что происходит в пингвиньем сообществе, затерявшемся в бескрайних голубоватых или розоватых сне-

гах. На первой странице начало этого важного дня отмечено восходящим солнцем, от страницы к странице оно поднимается всё выше, пока не оказывается в зените, совпадающем с центром разворота, а на последней странице заходит за горизонт. Так идея времени включена в книжку для малышей, а образ природы и её изменений соотнесён с событиями книги и поведением героев.

Иллюстрации Мая Петровича Митурича являют редкий в наши дни пример глубокого, многослойного раскрытия текста. Он – мастер адекватного «перевода» образов, понятий, содержания одной культуры в другую. Дети, его читатели, повзрослев, в полной мере оценят заключённое в его работах очарование, которое сродни японскому *sabi* – чувству просветлённой печали и подлинной красоты, отличной от броской поверхностной эффектности.

Иллюстрация к сказке «Шишка справа и шишка слева».

// зима 2005 //

Иллюстрация к сказке «Как острова рассердились».

Я искал то, что не изменилось...

Художник Май Митурич
вспоминает...

В Японии я был шесть раз, но познакомился с японскими художниками в Москве... В доме творчества «Сенеж» работали Маруки Ири и Маруки Тосико. С работами на темы Хиросимы они объездили, наверно, весь мир... Их выставка проходила в Москве. Потом я оказался первый раз в Японии в составе делегации. В делегации были Лев Касиль, Агния Барто, мои коллеги — художники... Тогда же я побывал вместе с Неменским у Маруки. В тихом месте под Токио, на берегу речки построен японский дом... В саду... Неподалёку синтоистский храм и музейное здание, где выставлены их работы. Цапли ходят по берегу. Пока мы разговаривали, я любовался, как они прилетают к излучине реки... Угощали рыбкой, которую сам хозяин наловил к нашему приходу. Такая трогательная деталь... Маруки Ири нарисовал бамбук и подарил мне. Он висит у меня в доме...

Через несколько лет встретились вновь. Речка осталась, цапли ходят, но Маруки слегка состарился, а музей надстроили, чтобы экспонировать огромные панно «Битва при Окинаве», написанные на бумаге цветной тушью. В музее было много работ: пейзажи, портреты и работы его мамы, которая в 70 лет начала рисовать. Она была прекрасным наивным художником: писала сценки из жизни, цыплят, кошек... Красиво по цвету. У меня она где-то рядом с Матиссом...

Каждая встреча с Японией дарила мне новых друзей. Это были люди самых разных профессий: художники, издатели, филологи, любители русского искусства, крестьяне из деревни, где мы жили... Мне, видимо, везло. У меня впечатление, что все японцы — очень хорошие люди...

Однажды по приглашению г-на Саватари, бизнесмена, собирателя русского искусства, недели три прожили на барже, причаленной к берегу. Внизу — жильё, наверху — мастерская с окнами на море. Волны били в деревянные борта... В Русской галерее Саватари были иконы, Айвазовский, Шишкин, Брюллов, Ларионов, Гончарова, Филонов... И для нас нашлось место. Он устраивал выставки по всей Японии.

В 2001 году Саватари прилетал на мою выставку в Осака на несколько часов... Мы не виделись 10 лет. Встретились и он заплакал...

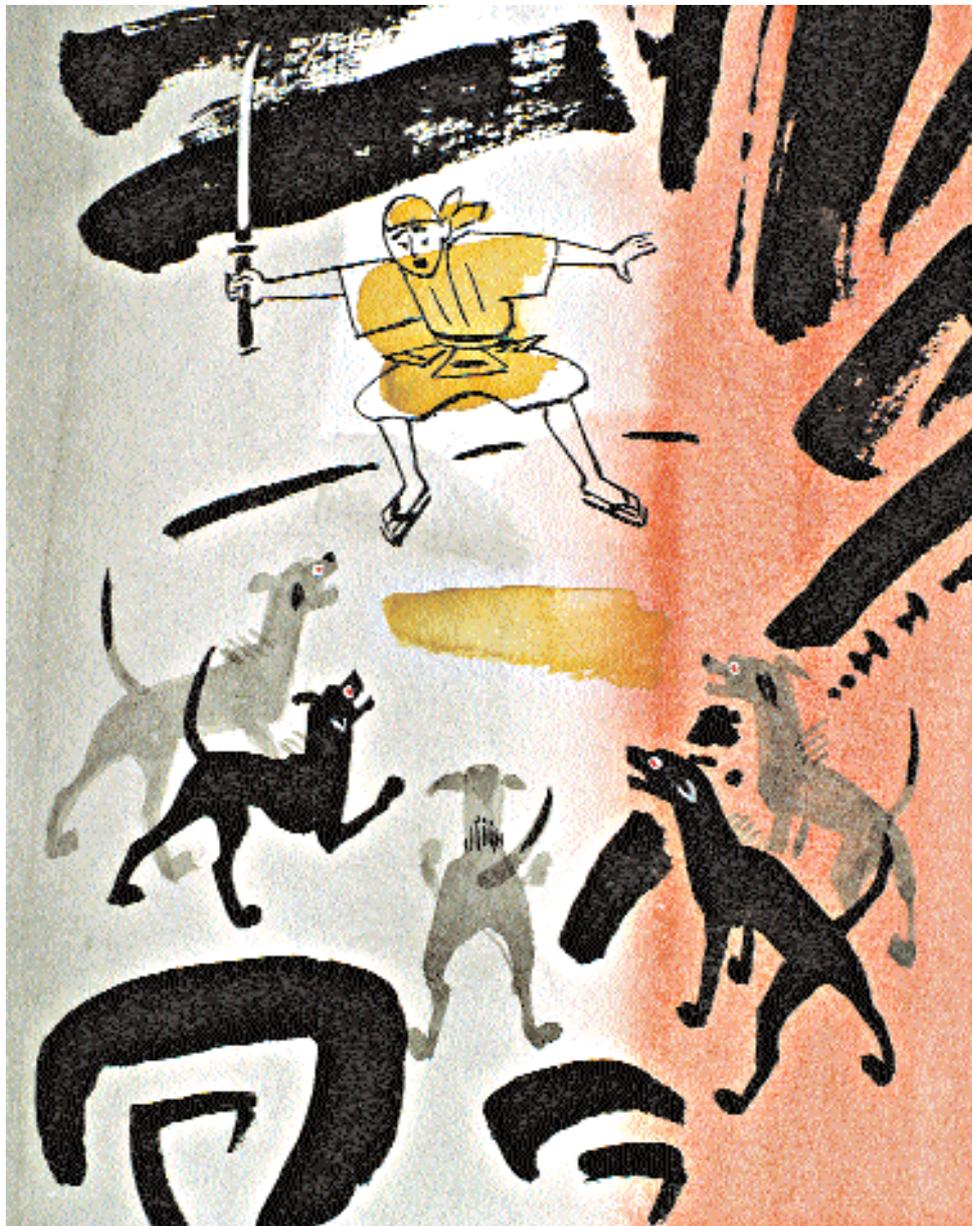
Я дружил со многими художниками детской книги. Очень мне понравился Игуги Бонсю. Вдумчивый, серьёзный, натуралист... Когда он делал книжку о лебедях,

которые зимуют в Японии, то поехал ещё и в Якутию, где эти птицы гнездятся... У него нежные, тонкие акварели. Птицы и природа... А Хираюки Сайто рисовал мощно... Придумал сказочных персонажей, похожих и на лягушек и на человечков, и рисовал целые альбомы, посвящённые их жизни. Они и грустили, и веселились. Эти художники объединялись в маленькое сообщество, возглавлял которое Такео Такей, а их цель — делать книги, как произведения искусства. Ведь современная японская детская книга в большинстве своём, к сожалению, «комиксообразная», американизированная...

В городах дома обычно невысокие, плотно примыкают друг к другу. Из современных небоскрёбов видно море крыш. В Киото они зачастую покрыты серовато-голубой черепицей, так что похоже на море...

Индустриальная и городская Япония не для меня. Мне интересна вечная Япония. Она и сейчас иногда мне снится... Японский пейзаж исполнен для меня особого очарования. Но я ни разу не нарисовал Фудзи... Видел несколько раз, издали...

Иллюстрация к сказке «Кэндзо-победитель».

// зима 2005 //

Мне интересно передать облик этой земли и этого океана. Вода, вода... Когда понимаешь что она на сотни миль, до Сан-Франциско, охватывает особое чувство... Самое счастливое время — в деревне, а не в городе. И у моря...

Мне показалось, что в Японии не так просто найти побережье океана, всё заковано в бетон. (Вероятно, из опасения цунами). Найти природный берег — проблема...

В одной рыбацкой деревне на самом берегу, на мысу старинный памятник с надписью: «Рыбы, извините нас, за то, что мы вас ловим, мы вас ловим, чтобы жить, простите».

В зоопарке города Уэно (я всегда стараюсь посещать зоопарки), стоит стела неизвестному животному, и возле неё много цветов.

Иллюстрация к сказке Кавадзи Рюко «Ноги дождя».

Во время последней поездки мы жили в японской «глубинке» — в префектуре Вакаяма, в деревне Каваками, расположенной в горах, в старом доме... Рисовые поля на склонах гор. И сливовые деревья. Склоны крутые, весной всё в цвету, но мы были осенью, когда весь урожай собран и листья опали... Там растёт особый сорт слив, их маринуют и развозят по всей стране. Там есть и музей сливы — в современном здании, очертания которого напоминают бочку, в которой эти сливы замачивают...

Деревня разбросана по склонам, дома далеко друг от друга. Так что мы жили почти одни. Наш дом был старый, наверно XIX в., с татами и всем остальным, что положено традиционному японскому дому... В горах темнеет быстро, жена пошла закрыть дверь на крючок. Но крючка нет, и никогда не было. Дом не закрывался никогда...

Крестьяне очень любезны и внимательны — увидят издали и кричат что-то весёлое. А в 2003 году, на мою выставку в Академию художеств, в Москву, приехало 15 человек из этой деревни, в том числе и хозяйка нашего дома...

Что изменилось в Японии? Многие японцы сейчас изменили цвет волос и стали почти блондинами...

Что не изменилось? Океан, берега... Я искал то, что не изменилось...

**Записала С. Хромченко
Фото Евгения Желтова**

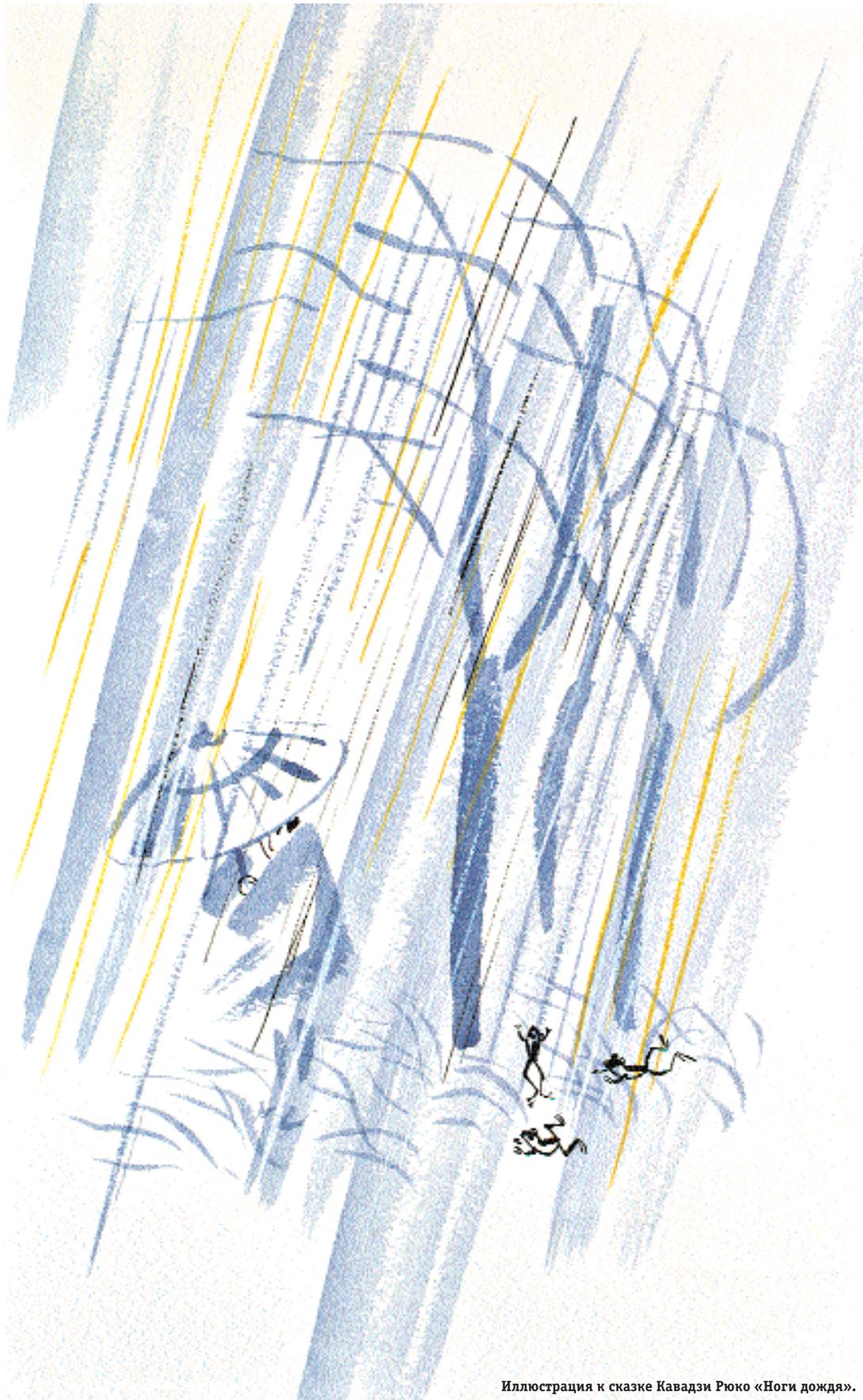

Иллюстрация к сказке Кавадзи Рюко «Ноги дождя».